

*Вот — женщина,
И я, спящий.*

Гаспар Илом

I

— По твоей вине, Гаспар Илом, я, земля Илома, не смыкаю глаз.

— По твоей вине, Гаспар Илом, мне, земле Илома, рубят топорами веки...

— По твоей вине, Гаспар Илом, у меня, земли Илома, опаляют кустарник ресниц пламенем, выбелившим луну, как старого муравья...

Гаспар Илом качал головой. Он не принимал наветов земли, на которой спала его тень, его циновка, его жена, спал и сам он, словно в земле, где покоятся его предки, и не мог вырвать из брюха, оторвать от тела змею о шестистах тысячах колец, свивавшую глину, луну, леса, горы, ручьи, птиц и грохот грома.

— Земля осыпается со звезд и открывает глаза там, где были лесистые горы, а нынче безлесые холмы, в которых птицы поют, словно плачут лощины, рыщет муравей, летает ястреб, стонет голубка и спит на циновке, рядом с женой и тенью, тот, кто должен бы в клочья раздирать веки рубящим деревья, палить ресницы обнажающим гору, морозом сковывать тело осушающим реки, что бегут во сне и ничего не видят, пока не остановятся

в запрудах и не увидят всё сразу своим глубоким взором...

Гаспар потянулся, сжался, покачал головой, отгоняя наветы земли, скованной сном и смертью и змеей, шестьсот тысяч раз обвивавшей его лесами, глиной, луной, птицами, ручьями и грохотом грома.

И услышал воронками ушей:

— Желтые кролики в небе, желтые кролики в чаще, желтые кролики в водах помогут тебе, Гаспар. Ты пойдешь в битву, Илом, влекомый кровью, рекою и своей тенью, свившейся в слепой узел...

Слово земли, горящей светлым, как солнце, пламенем, чуть не сожгло уши желтым кроликам неба, желтым кроликам чащи, желтым кроликам речки; но Гаспар становился землею, падающей оттуда, откуда ей положено падать, погружался в сон на жаркой земле Илома, в светлое, как солнце, пламя. Желтые кролики, насмехаясь над ним, приникли к сосцам деревьев, обратившись в плоды папайи, прикипели к небу, обратившись в звезды, и ушастыми отблесками света рассыпались в реке.

Гаспар стал голой землей, бессонной землей, усеянной сном, как зернами маиса, и падал оттуда, откуда ей положено падать. Он стал землей, омытой реками воды, а вода эта пахнет дурно, потому что долго не спала и окрасилась зеленью лесов, принесенных в жертву ради маиса, из которого созданы люди. Пришли злые люди с пламенем и топорами, чтобы уничтожить тенистые, древние сейбы, двести тысяч юных, тысячетлетних сейб.

На пастбище — мул, на муле — человек, в человеке — мертвец. Глаза его — его глаза, руки его —

его руки, голос — его голос, ноги — ноги, и все это ему пригодится, когда он пойдет в битву, освободившись от змеи о шестистах тысячах колец, свитых из луны, глины, лесов, гор, ручьев, озер, птиц и грохота грома. Но как же освободиться, как оторваться от поля, от жены, от дома, от очага, от веселых соседей? А не оторвешься — не пойдешь в битву, держа в руке пучок цветущей фасоли, обвив шею теплыми фестонами плодов чайоте.

Воздух Илома благоухал свежесрубленным деревом, благоухал пеплом деревьев, сожженных, чтоб сеять маис.

Водоворот глины, луны, лесов, гор, ручьев, озер, птиц и грохота грома кружился, кружился, кружился вокруг иломского касика. И пока ветер кидался на лицо его и тело, пока кидалась на него земля, взметенная ветром, беззубый месяц проглотил его с воздухом, словно рыбку.

Земля Илома благоухала свежесрубленным деревом, пеплом дерева, сожженного, чтобы сеять маис.

Желтые кролики в небе, желтые кролики в чаще, желтые кролики в водах.

Он не открыл глаз. Он их и не закрывал. Они комьями лезли из-под век. Удары дальнего лая мучили его. Он не смел шевельнуться, глотнуть слюну, тронуть голое тело — он боялся, что оно остыло и в нем, остывшем, змея прожгла слюной глубокие ямы.

Ночь была светла, и капли желтого света шелестели в тростниковых стенах. Жена свернулась на циновке лицом вниз и мерно дышала, словно она и во сне раздувала огонь.

Гаспар, изъеденный до дыр змеиной слюной, сполз рывком с циновки и направился к тыкке с водкой. Он полз совсем тихо, только скрипели суставы, изъеденные лунной болью. Во мраке, испещренном, словно пончо, полосами света, сочившегося сквозь стены, желтело его лицо. Он сел как божок, припал к тыкке, как к груди, и пил большими глотками, как изголодавшийся младенец.

Он выпил всю водку, и лица его коснулся желтый кролик. Солнце, палящее в тростниках, обожгло его изнутри. Оно обожгло голову, и ему показалось, что на ней не волосы, а пепел; обожгло губы, чтобы он не говорил во сне; обожгло язык — он стал тряпкой, и зубы — они стали острыми, как мачете.

Гаспар ткнулся руками в клейкую от холода землю, вцепился пальцами в твердую, глухую глубь, и ногти вонзились в нее, словно пули. Как зверек ищет падаль, он искал тут, рядом, вокруг свое отделившееся от головы тело. Он чувствовал, что полная водки голова висит, словно тыква, на колышке ограды.

Но лицо ему не опалило, волосы были целы. Не водка сразила его и обезглавила, а воинское зелье. Он пил, чтобы его обожгло, сразило, обезглавило, — в битву идут без страха, без шкуры, без головы, без тела.

Так помышлял Гаспар. Так говорил он голове, оторванной от тела, горячей, носатой, обернутой в седые тряпки лунного света. Пока он говорил, он состарился. Голова его упала на землю, как черепок, усеянный мыслями. Старый Гаспар говорил о деревьях. Он думал, он вспоминал о лесе, а не о своих волосах. Мысли ползли у него

из ушей, а он слышал, как по нему, по его голове ступает стадо. Облака на копытах. Сотни и тысячи копыт. Добыча желтых кроликов.

Жена его, Вшивая Краса, задвигалась под его телом, под мокрым и горячим маисовым початком. Ток его крови уносил ее туда, где нет их обоих, где он — не он, она — не она, а племя, род, река вожделения. Он сжал ее сильнее. Она забилась, застонала. Стон ее лился на циновку, как и полотнище волос, пробитое, словно гребнем, Гаспаровыми зубами. Невидящие глаза налились черной кровью. Она слалась, как слепая курица, и пригоршня семян рассыпалась в ее утробе. Пахло мужчиной и дыханием.

Наутро Гаспар сказал:

— Вот что, Вшивая Краса, скоро начнется драка. Я очищу землю Илома от тех, кто рубит деревья, выжигает лес и осушает реки, которые бегут во сне и ничего не видят, пока не остановятся в запрудах. Разделаюсь со всеми, кто растит маис на продажу. Из-за них больше нет тени, ибо земля, падая со звезд, звенит, ударяясь о голую землю. Разделаюсь, или сам жив не буду. Собери старых тряпок перевязывать раны и приготовь лепешек, вяленины, соли, перцу — всего, что берут в поход.

Гаспар поскреб муравейник бороды пальцами, которые еще остались на правой руке, взял ружье, пошел к реке и убил из-за кустов первого же торговца. Звали его Ихиньо. На другой день, в другом месте, он подстрелил второго. Того звали Доминго. Потом он прикончил еще Ихиньо, еще Доминго, Клето, Баутисту, Чалио и очистил от злых торговцев лес.

Лианы злы, а торговцы — злее. Лиана сосет и сушит дерево много лет, торговец рубит его, расчищая землю, и сжигает много деревьев за несколько часов. Деревья — одно другого лучше, целебные, ценные, а он их навалит кучей и сожжет. Он с ними воюет, убивает их, как людей. От них остаются дым, угли, зола. И ведь не с голоду он, не из корысти, не для себя — для хозяина, который поделится с ним, а то и не поделится. Земля от маиса беднее, никто не станет от него богаче — ни хозяин, ни работник. Растишь маис для еды, он — священная пища человеку, созданному из маиса. Растишь маис на продажу, он — голод созданному из него человеку. Красный початок, священная пища, из которой созданы и женщина с ребенком, и мужчина с женщиной, не будет расти там, где по злой воле вырублен лес. Земля остается голой, а торговец уйдет, унося семена, и сам, как выцветшее семя, усохнет в плодородных землях, где только бы и сеять себе на потребу, а не бродить никчемным бродягой, который от бед и неудачи теряет вкус ко всему — к тростникам на жарких равнинах, где воздух тяжело давит банановые рощи, к деревцам какао, беззвучно сыплющим на землю благоуханные бобы, не говоря уже о прекрасных, sprysnutых кровью землях, на которых растет кофе, и о светлых пшеничных полях.

Воды молочных небес и маслянистых рек смешались в первом зимнем ливне, который падал без толку на голую землю, целый год не рождавшую маиса. Жалко было глядеть, как сыплются с неба дары в жаждущую, жаркую пасть покинутых полей. Ни зернышка, ни борозды, ни одного торговца.

Чистыми, словно дождь, глазами всматривались индейцы в их домики. Домов было сорок. Утром мало кто решался пройти по мощеной улице — боялись, что подстрелят. Гаспар и его люди различали человека, а если ветер дул в их сторону — слышали, как на площади, на большой сейбе, кричат и дерутся черные птицы.

Гаспара не победишь, сказали старики. Его охраняют кролики — длинные уши, а для желтых кроликов нету ни тайн, ни угроз, ни расстояний. Кожа у него — кора мамея, кровь — золото, он и плясун, и воин. Когда он смеется, зубы его — пемза, когда он скрежещет ими и кусает, они — камень. Он силен и честен, враги его — трусы. Только желтый кролик узнает след его зубов на плоде и след его ног на дороге. Так сказали старики. Когда идет Гаспар, слышно, как идут другие. Когда он говорит, слышно, что говорят другие. Гаспар идет за всех, кто шел, идет и будет ходить. Гаспар говорит за всех, кто говорил, говорит и будет говорить. Так сказали старики деревни злым торговцам. Буря била в барабан под кровлей сизых голубок, под простынями туч.

Через два дня на третий узловатое слово стариков оповестило деревню, что скоро прибудет карательный отряд. Поле, поросшее желтыми цветами, взывало об опасности к тому, кого охраняли кролики, у которых уши подобны листьям маиса.

Когда ворвались в деревню всадники, в котором часу? Торговцам казалось со страху, что это сон. Они застыли, окаменели, как стены. Кони черными змеями мелькали перед ними, и смутно виднелись лица, темные, как горелый пряник. Дождь уж

не лил, но ум мутился от запаха мокрой земли и вони вонючек.

Гаспар сменил место засады. В глубокой синеве иломской ночи шныряли от звезды к звезде кролики, гонцы опасности, и вся гора пахла желтым опухалом. Гаспар сменил место засады, зарядил ружье семенами тьмы, семенами смертной тьмы — пороховом, укрепил у пояса мачете и оглядел свои богатства: тыкву с водкой, кисет, перец, соль, лепешки, два лавровых листка, чтобы приклеить слюной к ушам, скляночку миндального масла и баночку львиной мази. Велика его сила, он и плясун, и воин. Сила его — цветы. Пляска его — тучи.

Вверху была галерея сельской управы. Внизу виднелась площадь, вздувшаяся от ливня. Во влажном пару ее дыханья дремали оседланные кони, подпруги их и уздечки свободно болтались. С тех пор как в деревню пришел отряд, здесь пахло мокрым конем.

Начальник конного отряда ходил по галерее. Во рту он держал сигару, китель его был расстегнут, шея повязана белым шарфом, на ногах красовались галифе, краги и походные ботинки.

В деревне, кроме отряда, почти никого не было. Тех, кто не убежал, поубивали индейцы, спускавшиеся с гор Илома под началом мятежного предателя-касика, а кто остался жив — сидели по домам и улицу переползали осторожно, как ящерицы.

Когда объявили, что прочитают приказ, все вышли на улицу. Приказ раздавался по всей деревне: «Полковник Гонсало Годой, начальник отряда, сообщает, что по указанию властей он, со всеми

полномочиями, прибыл в деревню Писигуилито во главе ста пятидесяти всадников, вооруженных винтовками, и сотни пехотинцев, вооруженных мачете, которые готовы уничтожить засевших в горах индейцев...»

Тень темных туч. Отблески солнца. Зеленая гора. Желтые, как смоква, небо, дома, воздух. Человек, читающий приказ, народ на каждом углу, как будто все тот же, караул с барабаном и горном казались не людьми — овощами, съедобными растениями.

После приказа местные власти явились к полковнику Годою. Они пришли на переговоры. Дон Чало, не вынимая сигары, сидел развалясь в гамаке, подвешенном к столбам галереи, и смотрел светлыми круглыми глазами куда угодно, кроме гостей, пока один из них, потоптавшись, не шагнул вперед и не начал речь.

Полковник посмотрел на него сверху вниз. Как выяснилось, гости решили устроить в его честь серенаду с маримбами и гитарой.

— А программа, сеньор полковник, будет такая, — говорил представитель властей, — «Женая горчица» — первая часть первой части, «Черное пиво» — вторая, «Умерла малютка» — третья.

— А вторая часть? — сухо оборвал его полковник Годой.

— Второй не будет, — вмешался, выступая вперед, самый старый из гостей. — Тут у нас в Писигуилито только это и играют, и всё я сочинил. «Малютка» — последняя, я ее сочинил на похороны доньи Крисантиной дочери, а больше у нас ничего и нет.